

УДК 821.161.1(09)
doi 10.17072/2073-6681-2021-2-111-120

В. И. КОМАРОВСКИЙ В ПЕРСОНАЖНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОМАНА Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

Наталья Ивановна Павлова

к. филол. н., доцент кафедры русского и латинского языков

Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского

410000, Россия, г. Саратов, ул. Б. Казачья, 112. n_i_pavlova@mail.ru

SPIN-код: 4011-5358

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6284-5330>

Статья поступила в редакцию 13.11.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Павлова Н. И. В. И. Комаровский в персонажной организации романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 2. С. 111–120. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-111-120

Please cite this article in English as:

Pavlova N. I. V. I. Komarovskiy v personazhnoy organizatsii romana B. L. Pasternaka "Doktor Zhivago" [Victor Komarovskiy in the Novel "Doctor Zhivago" by Boris Pasternak]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 2, pp. 111–120. doi 10.17072/2073-6681-2021-2-111-120 (In Russ.)

Образ видного московского адвоката В. И. Комаровского, одного из самых отрицательных героев романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», рассматривается в аспекте его профессиональной деятельности, в системе персонажей-юристов и персонажей-двойников, с точки зрения текстологической составляющей. Охватывающий все сюжетное пространство романа, являющийся персонажем, движущим сюжет, знающий все тонкости российского законодательства и предпринимательства, Комаровский показан прежде всего в отношениях с Ларой и Юрием, чье моральное превосходство ему невыносимо. Два мотива – «порабощение девушки» и соперничество с Живаго, пронизывающие все повествование об адвокате, – даны в обрамлении эпизодов, героями которых являются юристы, обнаруживающие непорядочность юрисконсульта. Приемы проспекции, уподобления, умолчания, узнавания, смены точек зрения, принцип зеркально сравнивающего соположения, речевой портрет, реминисценции с персонажем Ф. М. Достоевского, антропонимы развенчивают тип человека, пользующегося имиджем правозащитника в достижении личных целей не только в отношениях со своими верителями и их близкими, но и с коллегами; обнажают профессиональную нечистоплотность Комаровского, недостижимого даже для вышестоящих юридических органов. Дегероизации персонажа служит система двойничества, позволяющая не только развенчать конформизм, скудость интересов, непричастность адвоката к судьбе России, но и показать созидательность всемогущих полномочий Л. М. Кологривова и А. Е. Самдевятова. Скрупулезная работа над образом адвоката изобличает методы, которыми руководствуется герой: не обнаруживая себя ни в одной сделке, он разоряет ряд крупнейших представителей промышленности, способствует гибели их семей, приспосабливается в поисках способов обладания властью.

Ключевые слова: Пастернак; «Доктор Живаго»; Комаровский; персонажи-юристы; двойничество; приемы создания образа.

В романе Б. Л. Пастернака немало сюжетных и внесюжетных поворотов, связанных с юридическими отношениями представителей деловой России и с участием стражей порядка. Деятельность судебных следователей, судей, присяжных и частных поверенных, адвокатов, юристов, то-

варища прокурора московской судебной палаты, даже единожды упомянутая, дает яркое представление о правовой жизни России первой половины XX в. и судьбах людей, оказавшихся во власти закона. Среди персонажей-юристов особое место отводится В. И. Комаровскому, моральные прин-

ципы которого не только выделяют его из числа всех, кто воплощает в романе зло и насилие, но и противоречат отведенной ему роли юрисконсульта «миллионера-промышленника Живаго» [Пастернак 2004: 397]¹. Сложившаяся в пастернаковедении концепция образа Комаровского обусловлена прежде всего его вмешательством в начинающуюся жизнь Лары, в связи с чем его называют «растлителем» [Пастернак 2004: 217], «злой враждебной силой», «трансформировавшейся в образ дракона в стихотворении “Сказка”» [Суханова 2003: 47] и пр. Выявлены прототипы [Пастернак 2004: 14; Смирнов 1996: 23], изучены текстуальные [Bryukhanova 2013, Куцаенко 2011], интертекстуальные [Альми 2002, Павлова 2016] и интратекстуальные связи названного образа [Суханова 2018 и др.], дающие основание отнести адвоката к безусловным антигероям. Исследовательский интерес вызывает образ Комаровского в системе двойничества с Г. О. Гордоном, Л. М. Кологривовым, А. Е. Самдевятовым. Представление об адвокате углубляется благодаря текстологической составляющей. Данные аспекты не были предметом специального изучения, что обуславливает новизну нашего исследования.

Комаровский охватывает сюжетное пространство «Доктора Живаго» (ДЖ) с 1903 по 1943 г. и позиционируется как адвокат, юрисконсульт, поверенный. Согласно Уставу присяжная адвокатура в начале XX в. состояла при судебных палатах и окружных судах и должна была способствовать соблюдению законности. Комаровский на страже закона не стоит, хотя в его компетенцию входят разъяснения по правам и возможностям его (закона) применения. В контексте знакомства с персонажем становится известно, что это и «хладнокровный делец, знавший деловую жизнь в России как свои пять пальцев» (II, 23), а это значит, что в его ведении находились мануфактуры, банки, акционерные общества. Однако узнать о том, как решались правовые вопросы промышленников, как велись дела торговых и банкирских домов, можно лишь по рефлексии персонажей, ставших свидетелями деятельности юрисконсульта Комаровского в отношении известного богача Живаго, разоренного именно его стараниями. Жертвами адвоката могли стать братья Архаровы и Меркуловы, чьи дела он вел до революции и мог так же запутывать, как счета своего верителя Живаго. Комаровский мог «поучаствовать» и в смерти Федора Гишара» [Куцаенко 2011: 11]. Возможно и то, что в последний год войны им была совершена сделка с фабрикантом Крюгером, владельцем заброшенных бездоходных рудников на Урале. Тоне, имеющей высшее юридическое образова-

ние, не удастся что-либо узнать о судьбе дедушки, его лесов, заводов, потому что сделка осуществлялась «для видимости», «какому-то подставному лицу или банку», возможно, «на кого-то условно переписана» (VII, 209), и не исключено, что на людей, подобных Комаровскому, набившему руку в составлении правовых договоров.

Из черновых записей известно, что еще при жизни неразведенной жены Живаго адвокат обманывал и княгиню Столбунову-Энрици, больше года составляя для ее успокоения не имеющие силы «завещательные записи по усыновлению и оформлению незаконной связи» (566). Нравственная нечистоплотность Комаровского по отношению к близким его верителей осталась только в черновиках. Автор включит имя княгини в эпизод разговора о живаговском наследстве, избличая тем самым методы, которыми руководствовался адвокат, не обнаруживавший себя ни в одной сделке.

Примечательно его периодическое исчезновение со страниц романа. Определенно, он не терял времени с тех пор, как в 1917 г. ликвидировали дореволюционную судебную систему, а появившееся в 1922 г. «Положение о коллегии защитников», скорее всего, ему уже неинтересно не только потому, что адвокатская деятельность возобновлялась под условием надзора. Автор замечает, что «его коньком был теперь Дальний Восток» (XIV, 421), его богатейшие возможности и перспективы. Жадные руки Комаровского тянутся теперь к неизведанным ископаемым Монголии, и вряд ли его беспокоит тот ущерб, который могут нанести «русским интересам» (там же) соперники. Карьеризм Комаровского очевиден: появившийся в Юрятине в начале 1920-х в новом амплуа – политика, получившего приглашение негласного эмиссара «войти министром юстиции в Дальневосточное правительство» (XIV, 419), адвокат, бравируя своим знанием новых законов, рассказывает о готовящихся наверху переменах и комментирует их. Свою нишу найдет он и в закоулках Азии, где окажется, скрываясь от советской власти.

Явление героя автор не случайно связывает с трагической гибелью промышленника Живаго. Не называя имен обоих персонажей, автор не только окутывает тайной смерть отца Юрия Живаго – он обнажает таким образом сущность Комаровского, действия которого демонстрируют ту сторону «дремлющего в человеке зверя», которого нельзя «остановить угрозой» (XIV, 430). Произошедшая в поезде трагедия действительно обнаруживает его звериную сущность в отношении тех, кто пытается противостоять ему. В черновых набросках «богач и умница» (566) дога-

дывался, что на его разорении собираются разбогатеть, но не сердился и «продолжал с ним знаться» (567). Автор изменил характер отношений персонажей, и «добряк и шелапут, уже наполовину невменяемый» (I, 18) в отчаянии бросается с поезда, явно сорвав своему приятелю сделку. Несговорчивость «убившегося» обусловлена тем, что он соприкоснулся с нравственной чистотой души и открытостью мира» (там же) присяжного поверенного Г. О. Гордона, который часами разговаривал с известным богачом, разъясняя «разные юридические тонкости и кляузные вопросы по части векселей и дарственных, банкротств и подлогов» (там же). Подобное соседство вряд ли входило в планы Комаровского, поэтому он всячески препятствовал этим разговорам: как только его веритель успокаивался, адвокат «тащил его в салон-вагон пить шампанское» (там же).

События, изображенные как в немом кино, комментируются гимназистом второго класса, третий день находившимся с отцом в поезде. Миша Гордон не может отделаться от ощущения, что постоянное возбуждение их соседа на руку адвокату, наблюдает мальчик и за действиями отца, пытающегося спасти известного богача от самоубийства. Знаковость эпизода в пятичасовом скором очевидна: соположение с присяжным поверенным обнажает непорядочность Комаровского, скрывавшего от своего верителя «более милостивые узаконения» (там же) и способствовавшего его банкротству и самоубийству.

Прием проспекции, обозначивший роль каждого персонажа в судьбе Юрия Живаго, обуславливает дальнейшие события. Спустя годы адвокат предпримет попытку спровоцировать на скандал и тяжбу сына Живаго, о чем становится известно от Юрия, излагающего Анне Ивановне свою точку зрения на наследство отца. Не называя источника информации, Юрий убеждает ее, что «тяжба – дутая» (III, 71). Очевидно, что к такому пониманию он пришел не без помощи Г. Гордона, несомненно, ознакомившегося с положением дел и постаравшегося спасти юношу от общения с «подставными соперниками и завистливыми самозванцами» (там же). Примечательно, что это не первое посягательство на наследство Живаго: Громеко, приютившим сироту, удалось обнаружить тонко совершенный подлог документов и спасти неприкосновенную материнскую долю, лежащую в банке (557). Оставшаяся в черновиках деталь приводит к мысли, что «человек с запросами церковного старосты» (там же) вряд ли мог подобраться к деньгам самостоятельно. Последствия сорванных афер с наследством скажутся во время встречи Виктора Ипполитовича и Юрия Андреевича в

Юрятине, где адвокат, совершенно не церемонясь с чувствами Живаго, напомнит о приятельских отношениях с его отцом, об особенностях его натуры. Не исключено, что Юрий спустил адвоката с лестницы именно потому, что тот, зная о второй семье его отца, мог сравнить не только их характеры.

Разговор о наследстве, инициированный Анной Ивановной, звучит в контексте ее детских воспоминаний об отце, а упоминание об уральском «фабриканте-железоделателе» Крюгере (II, 55) – в связи с ее поверенной. Становится понятным, что, даже будучи «судьей и распорядительницей во всех серьезных случаях жизни» (II, 56), Шура Шлезингер не сможет противостоять адвокатам и подставным лицам, которые выются вокруг капиталов Живаго и Крюгера.

С новой жертвой – вдовой своего друга, которой от мужа достались «сбережения в бумагах» (II, 23), – Комаровский ведет себя еще более разнузданно, а денежная зависимость от него приводит к разрыву отношений в семье Гишар. Не вошедшее в текст романа замечание, что адвокат развращал мальчика «своим примером и потакательством его шалостям» (572) и был отчасти виноват в его растрате, усугубляет и трагедию Лары, ошеломленной «в том первом отдельном кабинете, с которого все началось» (II, 54) роскошно сервированным столом. Комаровский ловко пользовался тем, что в этих детях «глубоко сидела робость перед богатыми, как у питомцев сиротских домов» (II, 24). Его цинизм подчеркивает и другая деталь, оставшаяся в карандашной рукописи: «Чудовище! Картина висела как раз против ее места» (666). Автор изменил ситуацию, и о картине «Женщина или ваза» Лара вспоминает в момент встречи со сторожевым патрулем, нагло оглаживающим женщин с головы до ног. Поведение ухмыляющихся казаков, как и «толстый римлянин» (II, 54), пресытившийся всякими наслаждениями, вызывает омерзение Лары, потому что ассоциируется с Комаровским.

В контексте заветных мыслей Веденяпина, утверждающего евангельские начала жизни, которые основаны на любви к ближнему, образ Комаровского уподобляется и «укротителю с хлыстом», властителю, сравнивающему себя с идолами и не подозревающему, «как бездарен всякий поработитель» (I, 13). Благодаря принципу «зеркально сравнивающего соположения» [Исаев 2005: 11] дается характеристика двух других взаимоисключающих явлений романа: «зрелища порабощения» (II, 62) Комаровским «девочки, дочери его покойного друга, ребенка» (II, 48) и «зрелища в духе древности, стихии, по-

слушной голосу волшебника» – ветхозаветной истории о Моисее, спасшем «целую народность» (XIII, 409). Пошлости увиденного в номерах противостоит восхищение способностью Моисея подчинить стихию ради любви к народу, движениям рук кукольника – волшебный жезл пророка и законодателя. Смена точек зрения, не подчиненных одна другой [Успенский 2000: 21], подчеркивает, с одной стороны, внутреннее состояние подростков, наблюдающих за поведением незнакомца, с другой – помогает высказать устами Симы мысль, что человек должен уподобиться Христу, а не «породистому животному» (I, 17). Миша, заметив человека, вышедшего из-за перегородки, «весь встрепенулся и так и впился в него глазами» (II, 62). Прием узнавания обнажает степень потрясения ребенка, увидевшего того, кто «спайвал и погубил» (II, 63) отца Юры. У юного Живаго он вызывает ассоциации с кукловодом, манипулирующим чувствами и эмоциями девушки, поневоле ставшей сообщницей его деяний, а впоследствии, на рождественской елке, – преступницей, стрелявшей в мужчину, в котором Юрий узнает того «седоватого», который имел «отношение к делу об отцовском наследстве» (III, 86).

Примечательно, что у Свентицких Комаровский сам оказывается в центре скандала, причем в присутствии товарища прокурора московской судебной палаты. Соположение персонажей очевидно: Корнаков, как страж порядка, неистовствует в зале суда, обвиняя группу железнодорожников, адвокат рвет и мечет, обеспокоенный своей репутацией. В отличие от инцидента в пятичасовом скором, где на расспросы об убитшемся он отвечает «кучке любопытных и сочувствующих» (I, 17), здесь ему приходится в глазах госпожи Корнаковой оправдываться, а с околоточными – объясняться. И он уже не может позволить себе «нелюбезно цедить, пожимая плечами и даже не оборачиваясь» (там же), потому что в данной ситуации дача показаний уже не формальность, как это было на месте трагедии, где опрос велся «холодными деловыми голосами» (I, 19). Предупредительно-уважительное общение с женой законного представителя обвинения, нервное состояние адвоката в ночь происшествия говорят о том, как он озабочен подрывом репутации в своем кругу.

Из черновиков известно, что адвокат представлял суду показания свидетелей о состоянии обвиняемой в момент покушения на Корнакова, который «возбуждал против Лары судебное преследование» (580). Однако состояние «беспамятства и оцепенения» (578), в котором находилась Лара, было на руку Комаровскому, потому что

невменяемость человека не позволяла вменить ему в вину совершенное преступление, что облегчало положение адвоката. Невменяемость же известного богача позволила бы ему совершать сделки без самого верителя. В отличие от набросков, содержащих размышления Комаровского о жизни, о «Лариной нравственной новизне», заставившей его склониться перед ней (582), о том, что его стараниями она сменила «пристанище» (584), в романе лишь упоминается о появившихся «разноречивых чувствах» (II, 92).

Образ Комаровского снижает ряд деталей. Так, поиски им лазеек уподобляются действиям мышонка, прощмыгивающего между тарелок, и полосам света, шныряющим, как «воры или ломбардные оценщики» (IV, 93). Круг его общения дается в оценке Кологривова, назвавшего знакомую юристку Комаровского «порядочной дрянью» (там же) и настоявшего на переезде Лары. «Пятна сырости на потолке и обоях» (IV, 95) в комнате, которую занимала девушка, и поведение самой Войтессы под стать озлобленной прислуге и грязи в номерах «Черногории».

Покровительство Комаровского дано и в оценке Лары, которая замечает, как он «благороднейшим образом предлагал свою помощь» (там же), и эта внутренняя точка зрения, появившаяся на фоне вспомнившегося ей арбуза неимоверной величины, уже тогда показавшегося ей символом его властности и богатства, уберегла бы ее от затей адвоката, явившегося за ней в Юрятин. Но она, как и Юрий, конечно, была убеждена, что едет «под защиту законности и порядка» (XIV, 448). Участие адвоката в жизни Лары изменило жизнь чистого и неискушенного реалиста Антипова. Изначально питавший «непреодолимое отвращение» (573) к человеку, стараниями которого он потеряет жену, называвший этот тип людей «тунеядцами, замечательными только тем, что они ничем себя не утрудили, ничего не искали, ничего миру не дали и не оставили» (XIV, 458), разве что дали себе право оставлять за собой последнее слово, Павел принесет немало бед людям, уподобившись Комаровскому. Однако в отличие от Антипова-Стрельникова, осознавшего, что не принес людям ничего, кроме горя, Комаровский, линия поведения которого остается неизменной, – явный антигерой: он живет как будто вне времени, вне истории, вне общества, не прощает оказанного ему сопротивления даже тем, кого считал приятелями, готов любой ценой «замять, затушить слухи» (IV, 92) или, наоборот, распусть их, чтобы, вернувшись, взять реванш.

Статус известного московского адвоката позволял Комаровскому снимать роскошную квар-

тиру на Петровских линиях и содержать прислугу, однако среди «серьезных, уважающих себя и хорошо зарабатывающих людей свободных профессий» (II, 45) он показан в обществе актера и картежника, а не писателей и художников. Не приходится говорить и о духовности персонажа, хотя он водит юную гимназистку в театры, якобы «умственно развивая» ее (там же), однако «в укромной аванложе на глазах у целого театра» (II, 49) он не наслаждается искусством, а ловеласничает, подобно персонажу Ричардсона, обманом соблазнившему шестнадцатилетнюю девушку. Об общественной же деятельности Комаровского можно судить только по рефлексии Лары, польщенной вниманием мужчины, которому «аплодируют в собраниях» (II, 48) и о котором пишут в газетах.

В создании имиджа московского адвоката особую роль играют детали, фиксирующие внимание на его внешности: в восприятии подростков это «гладко выбритый и щеголеватый» (I, 18), «осанистый и уверенный в себе человек» (II, 62), в глазах Лары – «годящийся ей в отцы красивый, седеющий мужчина» (II, 48). В Юрятин он заявляется в хорошо сохранившейся пиджачной паре и полосатых брюках в складку, в Варыкино – в шубе до полу. Ему под стать запряженный в «очень широкие крестьянские сани с удобным кузовом раскормленный вороной жеребец» и «такой же гладкий и сытый, как он, незнакомый малый в хорошей поддевке» (XIV, 443), похаживающий вокруг коня. Речевое же поведение персонажа позволяет увидеть и услышать действия не защитника, отстаивающего чьи-либо интересы в суде, а «прожигателя жизни» (XIII, 397), выражающего недовольство из-за того, что не может справиться со своими чувствами к Ларе, расшвыривающего по ковру и дивану вещи, мечущегося, как зверь, до боли сжимающего рукой широкие перила или избивающего бульдога тростью, расхаживающего злыми и решительными шагами, выказывающего свою взвинченность. Даже в тех ситуациях, где не виден его насмешливый взгляд, не слышны «раскаты серебряного смешка» (II, 72–73), крики и топот, рефлексия общающихся с ним людей обнаруживает результат его воздействия на них: сосед по купе жалует Гордону, что «не спит третий месяц и терпит муки» (I, 19), хватает его за руку и бросается с поезда, Амалия Карловна в слезах просит у соседа защиты от своего покровителя или руку Фадея Казимировича, Лара не смеет отказаться и через силу глотает куски арбуза, уступает его желаниям, а Юрий спускает с лестницы.

Кульминацией в раскрытии образа Комаровского становится его адвокатская речь якобы в

защиту тех, против кого точат зубы Тиверзин и Антипов. Иронично называя членов революционного трибунала местными жрецами Фемиды, адвокат, сделав ставку на уязвимость Лары, сам торопится свести счеты с Живаго, что в конце концов и происходит. Его риторическое поведение – не более чем маска: явившись в Юрятин под предлогом спасти всех от гибели, он выстраивает линию поведения так, чтобы добиться желаемой цели – увести Лару. Его первый жест – театральный, его позерство явственно, как и то, что он заранее просчитал рефлексию своего оппонента.

Чопорное поведение Комаровского напоминает выход актера, привыкшего к аплодисментам публики: долго расчесывается, утирает носовым платком мокрые усы и губы, обнаруживая щепетильность к своей внешности и словно напоминая Ларе то время, когда производил на нее впечатление. Первая фраза, обращенная к Юрию: «Будем считать, что мы знакомы» (XIV, 417) – явный намек на встречу у Свентицких, где оба сделали вид, что незнакомы, это и очередной вызов Живаго, которого он провоцирует на ссору, снова задевая его сыновние чувства. Доктор не позволяет ему развивать свои мысли, прибегая к жесткой риторике. Однако тот использует приемы, подавляя Юрия психологически и развенчивая в глазах Лары: пугает, ошеломляет, сбивает с толку, спекулирует на чувствах, оскорбляет. Комаровский и льстит (в высшей степени гармоническая пара), и выговаривает (А вы не вспыхивайте так сразу), и угрожает (не вправе шутить безопасностью Катеньки), и призывает к бдительности (употребите свой авторитет, повлияйте), но, видя солидарность Лары и Юрия, понимая тщетность своих усилий, переходит к «существу дела» (XIV, 419) – доверительно рассказывает о политических интригах советской власти. Примечательно, что он сам именно так и поступает – приберет Лару к рукам, а Живаго использует в качестве буфера между собой и ею. Резонерство Комаровского, уже вошедшего в роль министра Дальневосточной республики (я вел дела, я согласился), «многословные умствования» (XIV, 421) о вещах, не имеющих отношения к его слушателям, развенчиваются путем уподобления его присутствия виду тяжелой дубовой мебели, описание которой обрамляет разговор персонажей, а композиционно-зеркальное сопоставление с речевым портретом старика-возницы обнаруживает позицию автора, не приемлющего подобных хозяев жизни [Павлова 2017: 89].

Антагонизм персонажей, явствующий уже из их случайной встречи на елке, достигает кульминации в момент их ссоры, о которой становит-

ся известно от Юрия. Однако Комаровский не позволит Живаго оставить последнее слово за собой. «Подлый и слабый» (II, 49) в отношении Лары, он явился в Варыкино спустя тринадцать дней, не заходил в дом, не «жевал свою жвачку» (XIV, 421), не томил своим присутствием, действовал, как Стрельников, – «быстро, сурово, бестрепетно» (VII, 250). Возможно, его методы обусловлены «действительными страхами за Лару» (626). В то же время очевиден и расчет.

Реминисценция с адвокатом Лужиным, выражающим суть своей «экономической теории» пословицей «Пойдешь за несколькими зайцами разом, и ни одного не достигнешь» [Достоевский 1972–1990: 116], помогает понять и намерения Комаровского: ему нужна униженная и раздавленная страданиями Лара. Именно поэтому адвокат убеждает ее в ненадежности Юрия, называя того слугой двух господ, а ей прогнозирует, что «погонится за двумя зайцами и останется между двух стульев» (XIV, 443). Не брезгуя заведомой ложью, он сломит Живаго, обманом увезет Лару, нанесет очередной удар Павлу.

Образ Комаровского дается в обрамлении двух богатых и влиятельных персонажей – Л. М. Кологривова и А. Е. Самдевятова. О «человеке передовых взглядов и миллионере» (I, 11) и «хладнокровном дельце» (II, 23) повествуется параллельно вплоть до выздоровления Лары, а юрист с двадцатилетней практикой словно сопровождает уральский период деятельности Комаровского. Примечательно, что появление Кологривова «контрапунктно» [Гаспаров 1990: 231] связано с остановкой пятичасового скорого: имя «шелкопрядильного фабриканта Кологривова» (I, 8) звучит в контексте событий лета 1903 г., когда Юра с дядей едут в имение Лаврентия Михайловича. Понятых для составления протокола убитого миллионера вызывают именно «с ближайшей станции Кологривовки» (I, 17). Так же связан с Комаровским и Самдевятов: его «мягкая шляпа» (VIII, 255), участливо поднявшаяся над скоплением чужих голов, явно противопоставит мягкой шляпе «высокомерного адвоката», обмахивающегося ею в тот момент, когда «хмуро без выражения» стоял над телом «убитого» (I, 17). Обозначенное имплицитно, соположение персонажей прослеживается и во многих ключевых событиях романа, что дает основание назвать их двойниками Комаровского.

Так, с грустными воспоминаниями Лары о том, как «они ехали в пролетке полутемными переулками через всю Москву в номера с вокзала» (II, 94), несопоставима радость Тони, которой, благодаря Анфиму, не придется «пересаживаться и с вещами тащиться через город с вокза-

ла на вокзал» (VIII, 256), несравнимы с хлебом-солью Комаровского и микулицынские лепешки на сахарине. Рефлексия Самдевятова, посмеивающегося над выходками «чудака-острослова» (VIII, 259) Живаго и не возражавшего ему, усугубляет впечатление от речевого поведения адвоката в его словесном поединке с Юрием Андреевичем. Скандальные истории, связанные с действиями Комаровского и совершаемые, как правило, под покровом ночи, его двоедушие, двоemiрие несопоставимы с открытостью Анфима: «Возьму куш, ничего не видя. А часом и по мордасам, как отец говаривал» (VIII, 260).

Лара «по случайности» (II, 23) оказывается в одном классе гимназии с Надей Кологривовой, чей отец помогает Ларе «устроить жизнь отдельно от мамы» (III, 73) и выручает деньгами проигравшегося Родю. Именно Лаврентий Михайлович поддерживает Лару в ее желании помочь группе железнодорожников и с этой целью едет «умасливать» (III, 85) Корнакова, а после ее покушения на Комаровского способствует переезду на новое «пепелище» (IV, 96). Каждая названная ситуация обусловлена бесцеремонным вмешательством Комаровского в жизнь Лары и переплетена с деятельным участием в судьбе девушки Кологривова. Его отеческие чувства не просто обнажают бесчеловечность адвоката, годившегося Ларе в отцы.

В романе воплощается авторская концепция личности персонажей-двойников, заключающаяся в противопоставлении их жизненной позиции. Талант, ум, широта взглядов и интересов, общительность, принципиальность, влиятельность «крупного предпринимателя-практика новейшей складки» (III, 74), позволяющие ему «разговаривать с сановными старцами» в Совете министров так, «словно это были шалуны пригостишки» (IV, 95), направлены на созидание жизни. Заметим, что среди «наезжавших к Кологривовым знакомых» не случайно нет места видному московскому адвокату, не встречаются персонажи и в романной действительности, хотя о существовании друг друга знают. Это относится и к Анфиму, что связано с его деловыми качествами, позволившими ему, в том числе, спасти от банкротства солидную фирму своего отца, выпустившего до революции сельскохозяйственные орудия. Двойничество, таким образом, обнаруживает, что среди представителей деловой части России есть люди, не просто не приемлющие адвокатскую нечистоплотность Комаровского, но и способные не впускать его в свое окружение.

Нравственное сходство Комаровского и Самдевятова отмечает Лара, сопоставившая их «петушащееся самодовольство» (XIII, 395). Оба

действительно «предприимчивые, уверенные в себе, повелительные» (там же), но в Анфиме нет презрительности к людям, столь свойственной Комаровскому. Анфим прагматичен, самоуверен, горд своею сообразительностью, оборотистостью, но в соположении с адвокатом не выглядит дельцом, тем более хладнокровным. Оба чувствуют себя хозяевами жизни, осведомлены в юридических тонкостях, однако вряд ли Анфима можно назвать «прожженным уральским юристом», отталкивающим «цинизмом и театральщиной» [Птицын 2000: 8]. У него другая шкала ценностей: он понимает, что жить хочется всем. Анфим действительно гордится тем, что его трудами кормится полгубернии, однако это далеко не те «пустозвонные слова» (II, 50), которые произносит Комаровский, пафосно предлагая выход из ситуации.

Оба холосты, независимы, но гордость Самдевятюва смекалкой отца и семейной легендой о своем происхождении возвышают его образ. Упоминание о доме, пожертвованном городу его отцом, в котором Анфим впоследствии основал Институт гинекологии и акушерства, а в годы Гражданской войны ускоренные медико-хирургические курсы, свидетельствует и о его человеколюбии и сближает с Кологривовым. Любовь Анфима к сыну Живаго так же, как отеческие чувства Кологривова к юной Ларе, усугубляет жестокость Комаровского по отношению к сиротам Юрию, Евграфу, Таньке, шестнадцатилетней гимназистке, «преступно рано» посвященной «в жизнь с наихудшей стороны» (XIII, 396).

Честность, увлеченность, образованность Самдевятюва подчеркивают скудость интересов адвоката. Играя в жизни одну только роль, Комаровский, в отличие от Анфима, совмещающего в себе немислимые противоположности, подпадает под статус «непоправимого ничтожества», занимающего «одно лишь место в обществе», значащего «всегда только одно и то же» (IX, 297). Твердость политических убеждений Самдевятюва, даже если принять во внимание, что он воплощает в ДЖ «лживость “высшей” политики» [Птицын 2000: 8], обличает конформизм Комаровского, не разделяющего взглядов ни большевиков, ни Временного правительства. Адвокат приспособляется к обстоятельствам, ищет способ «воспользоваться остающимся временем» (XIII, 419), чтобы влиться в состав нового правительства и, пользуясь положением, манипулировать им, действовать в своих интересах. Анфим же свои всеисильные полномочия использует во благо всей округе. Те же качества присущи Кологривову, субсидирующему революцию.

Анфим входит в сюжет романа в переходный период развития России, когда требовалось понимание вещей, исключаящих друг друга, его компетентность в сфере управления государством обусловлена не связями, поэтому авторитет его беспорен как среди мужиков, так и в Юрятинском горсовете. Анфим не ищет новых источников дохода, а вникает в «старые незавершенные сделки, операции, невыполненные обязательства» (VIII, 260), в особенности национализации предприятий.

Образ адвоката складывается подобно мозаике: из его реплик, жестов, рефлексии персонажей, имеющих с ним дело, причем даже эпизодических, отмечающих его звериную сущность. Из прямой авторской характеристики Лаврентия Михайловича вырастает образ, воплощающий идеал автора – «любовь к ближнему, этот высший вид живой энергии, переполняющей сердце человека и требующей выхода и расточения» (I, 13). Из самохарактеристики Анфима – прямодушный, открытый человек, достоинства которого многократно увеличивает его речевой портрет, даже если он сам говорит о своей значимости. Если мужики называют его волшебником и кормильцем, то в адрес Комаровского шепчут «неодобрительно и насмешливо»: «Бабья порча», «Амалькина присуха» (II, 25). Жизненная позиция Самдевятюва – свидетельство того, что и «со всеисильными своими полномочиями» (IX, 277) можно оставаться честным, неподкупным, любить людей и помогать им, иметь свои взгляды, принципы и отстаивать их, что во многом сближает его с Л. М. Кологривовым.

Особую роль играют антропонимы. Лаврентий – увенчанный лаврами – действительно достоин уважения и возвеличивания как человек передовых взглядов, семьянин, большой покровитель искусств. Анфим, фигурировавший в черновиках как Епишкин или Беглых (686), тоже возвеличивается автором и наделяется фамилией, связывающей его с родом, титулованным Петром I и получившим от него земли на Урале. Предполагаемое родство с Сан-Донатом обнаруживает себя в той роли, которая возлагается на Анфима, одаривающего окружающих своей любовью и заботой. Его целеустремленность, направленная в том числе на практичность и материальную выгоду, не исключает его чуткости к людям, тогда как Виктор Ипполитович дискредитирует свое имя: он одерживает победу не над грехами и смертью, как подобает христианам, а над людьми, попавшими от него в зависимость. Его главная сила – подлость «в обращении с подчиненными и слабыми» (II, 49). Семантика

же его фамилии ассоциируется с кровососущим насекомым, ареал которого – весь земной шар.

Трудно не согласиться с замечанием З. Пастернак, что Комаровский описан «очень зло» [Пастернак 2004: 38]. Обозначив в начале романа роль адвоката в судьбе семей Живаго и Гишар, автор на протяжении всего повествования акцентирует внимание на его безнравственности: знавший все тонкости российского законодательства и предпринимательства, он манипулирует людьми, властвуя над ними и обогащаясь. Лара для него – не просто наваждение, а Юрий – соперник. Комаровскому невыносимо их моральное превосходство. Подчинить себе Лару ему удастся унижением, запугиванием, шантажом, а несговорчивый сын миллионера Живаго, наследство которого послужило поводом для сведения с ним счетов, хоть и не попадает «под моральное влияние Комаровского» [Суханова 2018: 123], вынужден подчиниться его условиям. Дегероизирован адвокат и в системе персонажей юристов, где ему отводится роль карьериста, пользующегося своим положением и преследующего только свои интересы. Инцидент у Свентицких обнаруживает, что связи Комаровского делают его недостижимым даже для помощника прокурора. Приемы проспекции, уподобления, умолчания, узнавания свидетельствуют о том, что скрытая от глаз адвокатская деятельность представляет опасность не только для судеб людей, но и для государства. Разглагольствуя о «хитросплетениях современной мировой политики» (722), он сулит Ларе и Юрию, что весь мир будет у их ног, для чего достаточно сделать «шаг через монгольскую границу» (XIV, 421). Между тем Комаровский сам, несомненно, лелеет эту мысль. Не случайно он «мечется по мифическим закоулкам Азии» (XV, 496): должность министра юстиции – далеко не конечная цель в его карьере. Сюжетное бессмертие Комаровского наводит на мысль о неистребимости зла, воплощенного в данном персонаже. Но если в оппозиции к поэту Живаго его «бессмертие пассивное», потому что «не связано с творчеством, развитием» [Врукханова 2013: 511], то в жизни последнее слово остается за подобными «чудищами заурядности» (XV, 496).

Примечание

¹ Здесь и далее ссылки на данное издание даются в круглых скобках с указанием части романа римскими цифрами, страниц – арабскими. Ссылка на «Другие редакции и черновые наброски» и «Комментарии» содержит только страницу.

Список литературы

Альми И. Л. Традиции Достоевского в поздней прозе Пастернака («Доктор Живаго» в соотношении с романом «Идиот») // О поэзии и прозе. СПб.: «Семантика С» совм. с изд. «Скифия», 2002. С. 520–521.

Гаспаров Б. М. Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» // Дружба народов. 1990. № 3. С. 223–242.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. VI. Преступление и наказание. 426 с.

Исаев С. Г. Композиция текста в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Филологические науки. 2005. № 3. С. 3–15.

Куцаенко Д. О. Концепт истории как определяющий фактор генезиса персонажей в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011. 22 с.

Павлова Н. И. Принципы композиции романов «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского и «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 6. С. 61–76.

Павлова Н. И. Способы создания психологических портретов персонажей в романе Пастернака «Доктор Живаго» // Известия Саратовского ун-та. Новая сер. Филология. Журналистика. 2017. № 1(17). С. 88–93.

Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. М.: СЛОВО/SLOVO. 2004. Т. IV. Доктор Живаго. 760 с.

Пастернак З. Н. Воспоминания. М.: Классика-XXI, 2004. 233 с.

Смирнов И. П. Роман тайн «Доктор Живаго». М.: Новое литературное обозрение, 1996. 204 с.

Суханова И. А. Еще раз о лейтмотиве свечи в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Ярославский педагогический вестник. 2003. № 3. С. 39–46.

Суханова И. А. Общие мотивы и языковые средства создания образов персонажей Пастернака и Достоевского // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4(15). С. 120–126.

Птицын И. А. Христианская символика в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2000. 18 с.

Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 348 с.

Врукханова Y. M. Opposition of Male Characters in the Novel “Doctor Zhivago” by Boris Pasternak: Beauty vs. Freedom // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 4. 2013. № 6. P. 508–513.

References

- Al'mi I. L. Traditsii Dostoevskogo v pozdney proze Pasternaka ('Doktor Zhivago' v sootnesenii s romanom 'Idiot'. O poezii i proze) [Dostoevsky's traditions in Pasternak's late prose ('Doctor Zhivago' in relation to the novel 'The Idiot'. On poetry and prose)]. St. Petersburg, 'Semantika S' Publ., 'Skifiya' Publ., 2002, pp. 520–521. (In Russ.)
- Gasparov B. M. Vremenny kontrapunkt kak formoobrazuyushchiy printsip romana Pasternaka 'Doktor Zhivago' [Temporal counterpoint as a formative principle of the Pasternak's novel 'Doctor Zhivago']. *Druzhba narodov* [Friendship of Peoples], 1990, issue 3, pp. 223–242. (In Russ.)
- Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: In 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990, vol. 6. Prestuplenie i nakazanie [Crime and punishment]. 426 p. (In Russ.)
- Isaev S. G. Kompozitsiya teksta v romane B. Pasternaka 'Doktor Zhivago' [Composition of the text in the novel 'Doctor Zhivago' by B. Pasternak]. *Filologicheskie nauki* [Philology. Theory and Practice], 2005, issue 3, pp. 3–15. (In Russ.)
- Kutsaenko D. O. *Kontsept istorii kak opredelyayushchiy faktor genezisa personazhey v romane B. L. Pasternaka 'Doktor Zhivago'*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The concept of history as a determining factor in the genesis of characters in the novel 'Doctor Zhivago' by B. L. Pasternak. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Krasnodar, 2011. 22 p. (In Russ.)
- Pavlova N. I. Printsipy kompozitsii romanov 'Prestuplenie i nakazanie' F. M. Dostoevskogo i 'Doktor Zhivago' B. L. Pasternaka [Principles of composition of the novels 'Crime and Punishment' by F. M. Dostoevsky and 'Doctor Zhivago' by B. L. Pasternak]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], 2016, issue 6, pp. 61–76. (In Russ.)
- Pavlova N. I. Sposoby sozdaniya psikhologicheskikh portretov personazhey v romane Pasternaka 'Doktor Zhivago' [Ways of creating psychological portraits of the characters in Pasternak's novel 'Doctor Zhivago']. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaia ser. Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Philology. Journalism], 2017, issue 1(17), pp. 88–93. (In Russ.)
- Pasternak B. L. *Polnoe sobranie sochineniy: v 11 t.* [Complete Works of B. Pasternak: In 11 vols.]. Moscow, SLOVO Publ., 2004, vol. 4. Doktor Zhivago [Doctor Zhivago]. 760 p. (In Russ.)
- Pasternak Z. N. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2004. 233 p. (In Russ.)
- Smirnov I. P. Roman tayn 'Doktor Zhivago' [The novel of mysteries 'Doctor Zhivago']. Moscow, New Literary Observer Publ., 1996. 204 p. (In Russ.)
- Sukhanova I. A. Eshche raz o leytmotive svechi v romane B. Pasternaka 'Doktor Zhivago' [Once again about the leitmotif of the candle in the novel 'Doctor Zhivago' by Boris Pasternak]. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2003, issue 3, pp. 39–46. (In Russ.)
- Sukhanova I. A. Obshchie motivy i yazykovye sredstva sozdaniya obrazov personazhey Pasternaka i Dostoevskogo [Common motifs and language tools in the creation of the characters in works by Pasternak and Dostoevsky]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhsky Philological Bulletin], 2018, issue 4(15), pp. 120–126. (In Russ.)
- Ptitsyn I. A. *Khristianskaya simbolika v romane B. Pasternaka 'Doktor Zhivago'*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Christian symbolism in B. Pasternak's novel 'Doctor Zhivago'. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Cherepovets, Cherepovets State University Press, 2000. 18 p. (In Russ.)
- Uspenskiy B. A. *Poetika kompozitsii* [The poetics of composition]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 348 p. (In Russ.)
- Bryukhanova Y. M. Opposition of male characters in the novel 'Doctor Zhivago' by Boris Pasternak: Beauty vs. Freedom. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 4, 2013, issue 6, pp. 508–513. (In Eng.)

**VICTOR KOMAROVSKY IN THE NOVEL ‘DOCTOR ZHIVAGO’
BY BORIS PASTERNAK**

Natalia I. Pavlova

Associate Professor in the Department of Russian and Latin Languages

Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky

112, Bolshaya Kazachya st., Saratov, 410000, Russian Federation. n_i_pavlova@mail.ru

SPIN-code: 4011-5358

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6284-5330>

Submitted 13.11.2020

The article deals with the image of the prominent Moscow lawyer Victor Komarovsky, one of the most negative characters in the novel by Boris Pasternak *Doctor Zhivago*. We study this character in the aspect of his professional activity, within the system of characters-lawyers and characters-doubles, in terms of the textual component. Being the character present throughout the novel, driving the plot, knowing all the subtleties of Russian legislation and entrepreneurship, Komarovsky is shown primarily in relations with Lara and Yuri, whose moral superiority is unbearable for him. Two motifs – the ‘enslavement of the girl’ and the rivalry with Zhivago, which permeate the entire narrative concerning Komarovsky, are framed by episodes where other characters of lawyers reveal dishonesty of the legal adviser.

In creating the character of Komarovsky, Pasternak employs a whole range of techniques such as prospection, assimilation, aposiopesis, recognition, changing points of view, the principle of juxtaposition, speech portrait, reminiscences with the character of Fyodor Dostoevsky, and anthroponyms. All these techniques are intended to unmask Komarovsky as a person who uses the image of a human rights defender in achieving personal goals not only in relations with his principals and their relatives but also with colleagues; these devices expose the professional dishonesty of Komarovsky, who was inaccessible even to higher legal bodies. Another technique that contributes to deheroization of the character is a system of duality. It allows the writer not only to demonstrate the lawyer’s conformism, paucity of his interests, non-involvement in the fate of Russia but also to show activity of Kologrivov and Samdevyatov. Scrupulous work on the character of the lawyer exposes the methods he uses: without revealing himself in any transaction, he ruins a number of largest manufacturers, contributes to the death of their families, adapts in search for ways to wield power.

Key words: Pasternak; Doctor Zhivago; Komarovsky; characters-lawyers; duality; methods of creating an image.